

Платонова Елена Дмитриевна

Platonova Elena Dmitrievna

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Преподаватель кафедры экономической теории

Lector of Chair of Economics

Д.э.н. / профессор

E-Mail: platonova.e@mail.ru

Платонов Андрей Юрьевич

Platonov Andrey Yurievich

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

ассистент кафедры экономической теории

Assistant of Chair of Economics

E-Mail: platonov.a@inbox.ru

Ягодкина Изольда Аркадьевна

Yagodkina Izolda Arkadyevna

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Преподаватель кафедры экономической теории

Lector of Chair of Economics

Д.э.н. / профессор

E-Mail: Vcm2010@rambler.ru

Емельянов Александр Анатольевич

Emelyanov Alexandr Anatolyivich

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Заведующий кафедрой математических и инструментальных методов экономики

Head of Chair of Mathematic and Instrumental methods in Economy

Д.э.н./профессор

E-Mail: conferencarticle@bk.ru

Богомолова Юлия Игоревна
Bogomolova Yalia Igorevna
Институт международных экономических связей
Institute of international economic relationships
Преподаватель кафедры экономики
Lector of Chair of Economic
К.э.н., / доцент
E-Mail: julbogo@mail.ru

Латун Владимир Владимирович
Latun Vladimir Vladimirovich
Ростовский институт
Российского государственного торгово-экономического университета
Rostov Institute of Russian State University of Trade and Economic
Преподаватель кафедры коммерции
Lector Chair of Commerce
К.э.н. / доцент
E-Mail: vlatun@yandex.ru

08.00.01 Экономическая теория

Современные теоретико-методологические ориентиры в экономическом исследовании: традиции и новации

Modern theoretical and methodological guidance in economic research: Traditions and Innovations

Аннотация: Авторы рассматривают современные методологические концепции, применение которых генерирует новое экономическое знание; анализируют влияние сциентизма и антисциентизма на формирование новых концепций, выделяя следующие концепции: ко-эволюционного развития, коммуникативную, устойчивого развития, синергетическую; обосновывают необходимость формирования интегративной методологии на основе деятельностного подхода к экономическим процессам.

The Abstract: Authors have considered the modern methodological concept the use of which generates a new economic knowledge; have analyzed the influence of scientism and anti-scientism on formation of new concepts, highlighting the concepts as follows: co-evolution, communication, sustainable development, and synergistic concept; have proved the need of formation of integrative methodology on the basis of activity approach to economic processes.

Ключевые слова: Методология экономической науки, методологические концепции, экономическое знание, интегративная методология, сциентизм, антисциентизм, деятельностный подход, концепция ко-эволюционного развития, коммуникативная концепция, концепция устойчивого развития, синергетическая концепция.

Keywords: Methodology of economic science, methodological concepts, economic knowledge, integrative methodology, scientism, anti-scientism, activity approach, the concept to - evolu-

tionary development, the communicative concept, the concept of a sustainable development, the synergetic concept.

***

Актуальность вопросов, связанных с формированием современных теоретико-методологических ориентиров и подходов к исследованию социально-экономических процессов объясняется несколькими обстоятельствами.

Несмотря на приверженность различным методологическим картинам, исследователей объединяет одно общее понимание: будущее человечества будет зависеть от умения сгенерировать из наличных знаний о природе, социуме и человеке новую стратегию социально-экономического развития. Для этого необходимы новые методологические ориентиры в социально-экономическом исследовании на основе интеграции и синтеза теоретико-методологических, объяснительно-познавательных, ценностно-мировоззренческих концепций.

На социально-экономическую жизнь возрастает влияние субъективных факторов вне-экономического характера, что требует усиления человекообразности экономической науки, использования методологического потенциала концепций, идейно восходящих к философии жизни.

Окончание бурного 20 века с его ускоренным развитием всех сторон социальной жизни общества совпадал с окончанием тысячелетия. Это событие дало лишний повод экономистам проанализировать прошлое, пристальнее рассмотреть настоящее, но главное – дать научно-обоснованные прогнозы относительно будущей траектории движения глобальной экономики.

В настоящее время велика потребность в интегративной методологии, не сводимой к механическому соединению категориальных аппаратов различных схем видения объектов социально-экономического мира, в котором происходят новые явления и тенденции. Впервые человечество столкнулось с ситуацией, когда под влиянием собственной деятельности на повестку дня встал вопрос о выживании человека как био-социального и социо-культурного существа в обозримом будущем.

Данная ситуация свидетельствует, на наш взгляд, о том, что речь должна идти не просто о новой парадигме экономической науки, или системы социальных наук. Необходимо формирование новой парадигмы культуры, в экономической проекции оказывающей влияние на центральные фазы общественного воспроизводства – производство и потребления. Развитие частных наук, включая теоретическую экономику, должно идти в контексте развития метатеоретического и метаметодологического знания, что не исключает обратного влияния развитой частно-научной методологии на формирование комплексных представлений о современном социуме.

Создание новых регулятивов культуры должно рассматриваться, прежде всего, через призму нового отношения человека к Природе. При этом в понятие «природа» в данном аспекте необходимо включать не только внешнюю по отношению к человеку и обществу природу, но и природу самого человека, как существа, обладающего сложной психикой и ценностями, которые не только не ограничиваются материальными, но и делают последние подчиненными. Признание такой двойственности, заложенной в общенаучном понятии «природа» позволяет, по-нашему мнению, снимать антагонизм в позициях, присущих представителям естественнонаучных и гуманитарных наук, философии науки и философии жизни.

На рубеже двух тысячелетий стал очевиден кризис линейной модели цивилизационного развития человечества, сложившейся под влиянием оптимистической оценки роли научно-

технического прогресса и способности человечества к овладению силами природы и собственно социальными процессами.

Концепция деятельностно-преобразующего предназначения человека, основанная на идее переделки мира и подчинения его своим, по сути, эгоистическим интересам, была преобладающей в социо-культурном фоне современной цивилизации на протяжении последних столетий. С таким пониманием миссии человека тесно связан важнейший аспект ценностных ориентаций, который характерен для культуры Нового времени. Вопросы о границах взаимоотношений «Человек – Общество – Природа», хотя и рассматривались в нравственно-философском аспекте (Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро), но в социально-экономической плоскости не ставились и не рассматривались, т.к. техногенная нагрузка в период зарождения данных воззрений было несущественна.

Активистская мировоззренческая установка породила иллюзию о возможности полного господства человека над Природой и подчинении ее утилитарным потребностям человека. В настоящее время самоочевидно, что практически все варианты футурологических концепций о технотронной эре в человеческой цивилизации, равно как и обществе всеобщего потребления (благоденствия) просто неосуществимы из-за ограничений ресурсов нашей планеты.

Развитие техники и технологии значительно увеличило антропогенную нагрузку на окружающую среду. Высокие потребительские стандарты, свойственных странам «золотого» миллиарда, не могут быть подкреплены ресурсами, и быть в равной степени доступны населению всех стран.

Императивом времени является рассмотрение экономической системы как экобиосистемы, в которой необходимо достигать гармонии общества и окружающей среды. Если национальная система хозяйствования развитых стран еще может какое-то время развиваться за счет внешних ресурсов из третьих стран, то природные ресурсы мирового хозяйства при существующей модели хозяйствования и наличном технико-технологическом способе производства ограничены. При этом многие ресурсы просто невозпроизводимы.

В западной футурологии стали преобладать сдержанные и откровенно пессимистические сценарии перспектив социально-экономического и духовного развития человека и общества. Отчетливо выраженной тенденцией стало усиление позиций экологов, а экологическое движение стало заметным явлением политического ландшафта развитых стран.

Перенос уровня мышления ученых и политиков с национального хозяйства на мировое означало формирование глобального подхода ко всем социально-экономическим вопросам.

Экономической проекцией данных тенденций стала перестройка воспроизводственной структуры национальных хозяйств развитых стран, вынос вредных производств, усиление контроля над источниками минеральных, топливных, энергетических, водных и других ресурсов со стороны транснациональных компаний. Данные процессы сопровождалось не только интенсивным потоком реального капитала в страны, обладающими данными ресурсами и строительством эколого-емких производств, но и созданием мощных финансовых рынков, прежде всего, в западных странах.

В настоящее время финансовые рынки являются не обычными биржевыми институтами, а центрами контроля за мирохозяйственными связями и мировым движением капитала.

Параллельно западные государства стимулировали разработку технологий, позволяющих использовать альтернативные источники сырья и энергии, проводили политику ресурсосбережения, финансировали новые технологические решения.

Ввиду наличия высококвалифицированной силы и необходимости решения социальных вопросов в границах развитых национальных государств и их региональных объединений на их территориях оставались высокотехнологичные производства и ресурсосберегающие технологии производства.

Взаимосвязь государств стала более тесной благодаря информационным технологиям, развитию средств связи и массовых коммуникаций, компьютеризации, сети Интернет. Государства в настоящее время настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что ни одна развитая страна уже не в состоянии производить товары для удовлетворения даже первейших своих потребностей только в рамках своего национального хозяйства. Вместе с тем продвижение идеи о переходе от индустриального развития к постиндустриальному обществу информационного типа только части человечества, проживающих в наиболее развитых странах, не дает ясных ориентиров для преодоления глобальных проблем во взаимоотношениях человека и природы. Декларация о приходе постиндустриального общества не содержит решений социальных вопросов относительно преодоления нищеты, бедности, роста народонаселения и ликвидации существующего разлома цивилизации по линии Юг – Север.

Среди факторов, способствовавших обострению взаимоотношений в системе «Человек – Общество – Техника – Природа», особо следует отметить наличный уровень теоретико-методологического знания и его влияние на разработку прогнозов о перспективах развития социума.

Бесспорные успехи науки в познании природного и социально-экономического мира, раскрытие законов и выделение закономерности его функционирования привели к формированию и распространению сциентизма, как ведущей мировоззренческой концепции абсолютизации роли науки в жизни человека и общества.

Революционные преобразования в материально-техническом базисе общества, переход к индустриальной форме его организации, ускорение формирования рабочего класса с высоким образовательным уровнем, свобода и развитие демократических начал государственного управления с привлечением широких слоев среднего класса выступили тем исторически оптимистическим фоном конца 19 века, на котором развивалась и укреплялась вера в науку, в разум человека.

Философско-методологические концепции сциентической ориентации не только способствовали прогрессу и развитию научных знаний, но и породили веру в Науку, ее безграничные возможности, непогрешимость ее выводов. К данным концепциям следует отнести такие методологические концепции, как экспериментализм, инструментализм, операционализм, структурализм, компаративизм и их современные модификации [14].

Однако конструирование социально-экономической реальности, основанное на абсолютизации истинности теоретических построений и мысленных конструкторов экономистов, таит в себе вполне реальную опасность игнорирования факта существования «живых» индивидов с их личностным сознанием, мироощущением, мировосприятием, мироотношением. Практика 20 века показала, что реализация ценностно-мировоззренческих идей сциентизма в социально-экономических науках привела к необходимости концептуального пересмотра базисных взаимоотношений социума и природы.

Исследования внутренних регуляторов деятельности «экономического» человека носили не столько чисто познавательный характер, но и имели непосредственный выход на практику.

Процесс совершенствования методик психоанализа, который зародился для облегчения состояния больных людей, выступает мощным инструментом формирования индивидуально-массового сознания в экономике потребления. Технологии контроля над поведением че-

ловека можно и нужно рассматривать в качестве фактора, оказывающего влияние на социально-экономические процессы в современном обществе. От прикладной экономической дисциплины – маркетинга – отпочковалась специфическая отрасль междисциплинарного знания – поведение потребителей[1].

Проективно-конструктивное отношение к окружающему человеку миру, свойственное сциентизму, в основании которого лежит идея о возможности полного контроля человека не только над Природой, но и над Обществом и Сознанием, делает возможным рассмотрение и производительных сил, и социальных отношений в качестве объектов сознательного целенаправленного преобразования в заданном человеком (обществом) направлении, которое надо только сознательно выбрать, опираясь на научное предвидение и на научную рациональность.

В ортодоксальных концепциях сциентизма данная идея доведена до логического конца. Одним из центральных для науки стал тезис о полном присвоении (овладении) человеком и обществом своих производительных сил и контроль над обобществленным производством, распределением, потреблением. Исходя из этого, в советское время экономистами обосновывалась как единственно возможная жесткая плановая организация общественного хозяйства. Данная организация имела единый центр, линейные директивные связи с непосредственными производителями при ликвидации товарно-денежных (опосредованных) отношений и переходе к непосредственно-общественному производству и натуральному распределению по потребностям. Данный тезис, основанный на научной рациональности как вере в безграничные возможности планирующего центра все рассчитать, организовать и предвидеть, лежала в основе планового фундаментализма.

Парадоксально, но сторонники рыночного фундаментализма по существу исходят из того же принципа рациональности, но абсолютизируют такое свойство, как быть свободным от других «Я». Здесь научная рациональность выступает как носительница духа свободного самокритического мышления (В.С. Швырев). В данном контексте экономическую основу достижения свободы индивида и свободы его выбора составляет индивидуальная частная собственность, а рынок выступает как единственно возможная взаимосвязь с другими индивидуальными «Я».

Во второй декаде 21 века применительно к реалиям российской экономики становится очевидным, что и плановое хозяйство, и рыночная экономика базируются на тонком механизме сочетания не только утилитарных экономических интересов, но и социальных, культурных, духовных начал конкретного социума.

«Автоматизм» и «естественность» в реализации экономических потребностей, на которых строится классическая теория рыночного хозяйства, выступают, по-нашему мнению, определенным допущением, которое присуще научным программам экономистов.

Реальный человек с его конкретными ценностными установками, «встроенностью» в свой уникальный мир социо-культурного пространства по-разному реагирует на экономические сигналы со стороны рынка. Как показала практика применения принципа экономического детерминизма, только в теоретико-логических построениях высокого уровня абстракции с учетом всех ограничений, накладываемых данным уровнем анализа и признанием факта зависимости от соображений вне-логического характера, экономические стимулы могут быть представлены как непосредственный побудительный мотив поведения современного человека.

В этом отношении наиболее реалистичной представляется концепция смешанной экономики, реализованная в ряде стран Северной Европы. Применительно к историческим и национальным условиям нашей страны данная концепция является, на наш взгляд, наиболее приемлемым вариантом модели развития национальной экономики с учетом психологической

готовности широких масс к самостоятельному творчеству в экономической сфере и предпринимательству.

Распространение естественнонаучных подходов, свойственных классическому и неклассическому типу науки, на социо-культурные и межличностные отношения человеческого общества при определенной их плодотворности имеют жесткие ограничения. «Экономический» человек, понятый как рационально организующий свое хозяйство в соответствии с естественными законами и рационально удовлетворяющий свои потребности, – это абстракция, конструкт. Мы полностью разделяем позиции известного философа В.С. Швырева о том, что «само возникновение человеческого общества... связано с появлением норм культуры, предполагающих выход за пределы естественного биологического регулирования жизнедеятельности. Эти нормы отнюдь не просто закрепляют и оформляют уже существующую практику специфически человеческого поведения, они только и делают ее возможной»[15].

В научной литературе была выдвинута категория «идентичность» как категория, «схватывающая» влияние социо-культурных факторов на развитие хозяйственных основ общества. В данной категории находит отражение национально-культурные основы и духовные традиции народов, организующих хозяйственную жизнь на определенной территории.

Сциентистской вере в научную рациональность противостоят ценностно-мировоззренческие концепции антисциентистской направленности: герменевтика, феноменология, психоанализ, их модификации и многочисленные варианты.

В 20 веке стало очевидным, что научно-техническая цивилизация и создавший ее «рациональный» человек оказались неспособными на основе сциентизма разрешить многие проблемы и противоречия, связанные с взаимоотношением «Индивид – Общество – Природа».

Оптимизм научных исследований социально-экономической действительности, как было отмечено выше, сменился пессимистическими прогнозами, а вера в науку оказалась значительно поколебленной. Концепции антисциентистской ориентации, развивавшиеся как бы параллельно с ценностными установками сциентизма в основном в рамках философии жизни, обладают значительным методологическим потенциалом. В центр рассмотрения ставится живой человек, как неповторимая личность.

В методологических концепциях в рамках рассматриваемой ориентации большое значение занимают факторы и подходы, выходящие за предмет собственно экономических исследований. Но методы диалектики, феноменологии, герменевтики применимы, по нашему мнению, к анализу современной социально-экономической действительности. Историческая школа, социал-демократическое и институциональное направления западной экономической мысли ввели в оборот многие методы и концепты гуманитарных наук как наук о духе (В. Дильтей). Вместе с тем было бы неверно утверждать, что в советской экономической науке так или иначе не применялись данные методологические подходы.

Определенную роль играли и играют герменевтически ориентированные методы получения экономического знания. Экономические тексты, рукописи экономистов различных экономических направлений и школ не могут не являться объектами герменевтического анализа. В экономической науке советского периода данный метод получил достаточно широкое распространение при анализе текстов и рукописей основателей марксизма-ленинизма, хотя официально не было принято упоминать о позитивном характере герменевтики.

Исследования «творческой лаборатории» К. Маркса в работах В.С. Выгодского, Г.А. Багатурия, Э.В. Ильенкова, А.М. Когана, Н.К. Тяпкина и других методологов содержат глубокий анализ вопроса о том, как становится возможным научное открытие с применением герменевтического подхода в экономическом исследовании.

Элементы интерпретации, на наш взгляд, как основного приема герменевтического анализа тесно связаны с критической рефлексией и содержатся в любом исследовании, особенно при анализе точек зрения экономистов на поставленную ими проблему. Сознательное изучение и применение методов данного направления позволит избежать непродуктивных подходов и повторов, обогатит исследование экономической действительности.

На чрезмерное увлечение «бездуховными» конструкциями, абстрактным человеком-фактом, моделированием, математизированием в ущерб рассмотрению живого индивида и его ценностей, сущности человека и его жизненного смысла указывает феноменология. В этом русле идет разработка концепций человеческого капитала, обосновывается целесообразность использования в качестве «кирпичиков» нового здания экономической теории таких категорий, как интеллектуальный капитал, предпринимательский капитал, предпринимательский дар (искусство) и другие.

В качестве закономерности развития социологического знания выявляется тенденция к сближению, интеграции и синтезу методологических подходов, преодолению узких рамок дисциплинарных исследований в пользу включения в познавательное поле более широкого контекста рассмотрения сверхсложных систем. В качестве перспективных познавательно-объяснительных моделей, позволяющих преодолеть ограниченность предшествующих подходов к рассмотрению взаимоотношений по линии «Социум – Природа», рассматривается ко-эволюционная концепция (Н.Н. Моисеев)[7]. Императивом сегодняшнего времени становится переход от тезиса «Человек – вершина мироздания» к идее человека как органической части целостного мира.

Согласно данной концепции биосфера и человеческая общество составляют открытую сверхсложную систему. Оптимальное регулирование отношений в данной социобиосистеме обеспечивает не только выживание органического и социального мира, но и сама система имеет перспективы положительного разрешения острых глобальных проблем современности.

Познавательно-объяснительная модель, имеющая в фундаменте эволюционную парадигму и исключая пафос овладения природой, может играть роль методологического принципа при формировании новых подходов к разработке социально-экономической теории. Использование природы только в качестве ресурса для продажи в рамках сложившегося международного разделения труда противоречит долговременным тенденциям эволюционного развития российского общества, ведет к разрушению среды обитания народов, делает огромные территории Севера и Востока страны бесперспективными для проживания. Это ставит под угрозу саму российскую государственность.

Учет национально-государственных интересов в сфере распределения, использования и восстановления природных ресурсов в условиях глобализирующегося мира выступает императивом социально-экономического развития нашей страны.

Идея совместной эволюции природы и общества позволяет сделать далеко идущие выводы, которые имеют не только абстрактно-теоретический аспект, но и значительный потенциал для их применения в социальной практике.

Критерием принятия решений относительно природных факторов социально-экономического развития не могут быть только рыночные механизмы регулирования. Стратегии догоняющего развития страны на основе активизации рыночных механизмов могут привести не к решению, а к еще большему ухудшению социально-экономического положения нашей страны в системе современного международного разделения труда, еще большему падению качества жизни в большинстве добывающих регионов в уже недалекой перспективе.

Традиционные общества, свойственные народам Севера, в мифологической форме работали идею ко-эволюционного развития биосферы и социума. Разрушение природы, как

естественной их среды жизни, ведет к разрушению уклада и самобытности, исчезновению традиций выживания в сложных природно-климатических условиях.

Методологи науки обращают внимание на еще один важный аспект идеи покорения природы и преобразования социального мира, который породил особое отношение к идеям господства, силы и власти, в том числе, над человеком.

В условиях, когда усиливающаяся тенденция к глобализации не только не способствовала ослаблению конфликтности, но вызвала новые столкновения социально-экономических и социо-культурных интересов различных стран, по-новому звучат вопросы формирования концепции свободы и гуманизма.

Известный отечественный методолог В.А. Лекторский в развитии тезиса о коэволюционном развитии отмечает: «Свобода как неотъемлемая характеристика гуманистического идеала мыслится не как овладение и контроль, а как установление равноправно - партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже неререфлектируемыми и «непрозрачными» процессами моей собственной психики» [6,С.19].

Коммуникативная концепция предполагает межцивилизационный диалог, равноправное партнерство во всех областях возникновения коммуникаций, уважение к концептуальным установкам чужой по отношению к тебе культуры и системы знаний, отказ от монополии на истину.

Не впадая в очередную утопию относительно природы самого человека, необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть следующее. Равноправное партнерство всех сторон базируется не столько на толерантности, понимаемой «как *уважение* к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное *изменение* позиции ... в результате *критического диалога*» [6,С.31], сколько на самоуважении собственной культуры, ее ценностей, наследия, уверенности в наличии индивидуальной и национальной самоидентичности.

Становление моно-мира, моноцентризм, достаточно отчетливо прослеживающийся сегодня уже не как тенденция, а как почти свершившийся факт, свидетельствует о слабости одной из сторон диалога, ее нежелании отстаивать собственную культуру, национальные интересы и «самость». Потеря возможности вступать в равноправный диалог, и формирования многоликого мира в долговременном аспекте означает появление новых вызовов для России и всего человечества.

В этой связи нельзя не обратить внимание на дискуссию о ценностях экономического знания, созданного в советский период, начатую известными экономистами В.Н. Черковцем, А.И. Колгановым, А.В. Бузгалиным и другими[4].

Отечественная политическая экономия в связи со сменой социально-экономического вектора в начале 90-х годов 20 века повсеместно была заменена курсами экономикс, написанными в ключе функционального видения объекта экономического исследования.

В 90-е годы прошлого века в академической науке предпринимались попытки использования рыночного инструментария в анализе тенденций в российской экономике, которая имела принципиально нерыночную структуру производства.

Экономическая эвристика, связанная с применением в программах реформирования экономики частно-научной методологии рыночного хозяйства к высоко обобществленному производству советского типа, в принципе не могла дать положительных результатов при ее практическом применении в сфере социально-экономической политики государства. Вытеснение отечественного экономического знания, как научной основы реформирования, предание забвению выработанных ее теоретико-методологических положений, вряд ли продуктив-

но. Признание изначально правильной замену одной моноидеологии на другую, нельзя отнести к высшим достижениям рефлекслирующего, а значит – сомневающегося ума экономиста.

При оценке любых воззрений и систем научных знаний надо руководствоваться прагматическим принципом – понять, чтобы не повторить. Не повторить тупиковый путь исследования или тупиковую ситуацию, лежащую за пределами собственно содержания экономического исследования. Современная экономическая наука – это мощные инструменты прогнозирования и воздействия на общество.

Несмотря на известность тезиса Дж. М. Кейнса, повторим его еще раз, поскольку он действительно имеет глубокий смысл: «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо больше значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влиянием, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, увлекают свои сумасшедшие идеи из творений какого-нибудь академического писателя, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени»[5, С.3-4].

Самые пессимистические выводы советской экономической науки в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века относительно перспектив модернизации отечественной экономики не содержали прогноза о ликвидации единого народнохозяйственного комплекса страны, централизованных механизмов управления и смены социально-экономического строя общества под видом реформирования экономики и ее трансформации в рыночное хозяйство.

Зацикленность на идеологическом тезисе о «полной и окончательной победе социализма», вера не только в правильность «линии партии», но и объективность движения советского общества в направлении поступательно-прогрессивного развития свидетельствовали о линейности и догматизме мышления ученых-экономистов, утрате рефлексивности и критического отношения к собственным выводам, «зряшному» отрицанию позитивных выводов мировой социологической науки.

Успокоенность и отсутствие критического диалога со сторонниками и противниками собственных концептуальных воззрений являются предпосылками застоя экономической мысли, которое должно было лечь в основание национально-ориентированной государственной политики.

Кризисные явления в отечественной экономической науке не означают, что процесс реформирования такой сверхсложной системы, какой является российское общество, должен осуществляться по наработкам и выкладкам западных социологов и экономистов. Теоретически выстроенная программа Вашингтонского консенсуса, как программа разрушения «империи зла», была действительно блестяще реализована практически во всех ее разделах (социально-экономической, духовно-нравственной, международной). Для того чтобы предотвратить превращение российского государства в отдельные территории, необходим равноправный диалог с остальным миром с учетом достижений всей мировой социологической и экономической мысли, включая отечественные школы.

Разрушительные процессы деградации производительных сил не могут быть остановлены без деятельного участия основной производительной силы общества. Современное производство основано не на физических, а на интеллектуальных способностях человека. Для вовлечения этой главной силы в процесс творческого и созидательного труда материальный стимул будет иметь преобладающее значение только на первых этапах занятости работника.

Рыночная экономика постиндустриального общества в ее западном варианте, как наиболее успешный проект развития человечества конца прошлого века, основана на ценностях и идеалах западной культуры. Ее механический перенос в другую культурологическую среду в принципе невозможен. Исторически реализованный в послевоенной Германии проект Л. Эрхарда опирался на энергию и энтузиазм немецкого народа, но вместе с тем был осуществлен параллельно с планом Маршалла. Л. Эрхард писал: «Эта широкая и даже великодушная помощь, оказанная нам в рамках плана Маршалла и смежных с ней программ, превысила за время с апреля 1948 г. по конец 1954 г. сумму в полтора миллиарда долларов. ... мы получили еще ... 1,2миллиарда долларов»[16,С.28].

При оценке теоретического потенциала идеи трансформации российской экономики в направлении создания нового типа экономики особое значение приобретает преодоление механистического и, по сути, сциентического подхода к выработке социально-экономической стратегии государства.

В настоящее время идея трансформации обществ, хотя и является стратегической, но не имеет целостного оформления, а состоит из отдельных блоков постановки проблемы трансформации. Несомненный интерес вызывает опыт включения в новую рыночную среду восточных традиционных обществ Японии, Южной Кореи и Китая.

Достаточно разработанным является исследование влияния установок конфуцианства и буддизма на специфику восточноазиатских моделей экономического развития как варианте цивилизационного развития (Ю.А. Яременко, В.Г. Федотова, В.И. Толстых, В.Я. Портяков и др.).

Идеи и традиции конфуцианского мира, базирующиеся на уважении и беспрекословном подчинении старшим, глубинной коллективности, отторгают лидерство индивидуализма, а также и креативность. Именно данное свойство, присущее современной инновационной экономике, влечет слом традиций, которые препятствуют развитию производительных сил современного общества.

Японский путь соединения традиций разных цивилизаций показал силу и слабость двойственности экономического развития Восточноазиатских стран. С одной стороны, высокая норма производственного накопления в сочетании с трудолюбием позволили сотворить в послевоенные годы «японское чудо» на основе массового импорта технологий и методики их «доделывания». С другой стороны, отсутствие собственных технологических прорывов, неготовность реструктуризировать компании, образованные по типу «большой семьи», обусловили некоторую приостановку темпов роста японской экономики в конце 20– начале 21 вв.

Одну из главных проблем, которая особенно актуальна и для народов постсоветского экономического пространства при условии принятия западного варианта модернизации, ученые формулируют в форме общего вопроса: «Возможно ли незападным странам с их специфических набором культурологических ценностей найти оптимальное соотношение между традициями общинности (соборности), неэкономическими ценностями, вытекающими из религиозного компонента общественного сознания этих стран, и экономической системой постиндустриального общества, основанной на индивидуализации, стремлении человека к самовыражению и творческой деятельности?»[8,С.114]. По существу, данная проблема является основной в поиске адекватной модели развития для России как евразийской страны с ее уникальными географическим положением, историей и культурой.

Значительность воздействия культурно-ценностного элемента на экономическую деятельность общества подтверждена практикой начального этапа перехода к рыночно-капиталистическим преобразованиям «сверху» в России в 90-е годы прошлого века. Экономическое поведение подавляющего большинства населения России в первый этап проведения трансформационных реформ, его стремление к сохранению своих трудовых коллективов даже

ценой работы без вознаграждения или мизерной оплаты является неадекватным (оппортунистическим) с точки зрения действия классических рыночных механизмов. Вместе с тем, неубедительна и переоценка влияния морально-этического фактора. Именно на ней строят свои доводы сторонники позиции, согласно которой приватизационные процессы в российской экономике дали экономическую власть группам с низкими морально-этическими качествами (новые русские). Согласно основополагающим ценностным концепциям рыночной экономики человек действует рационально во имя своего индивидуального интереса. В этой ситуации необходимо признать, что или рыночные ценности противоречат действительному положению вещей, или в очередной раз у идеологов российских социальных реформ реальная проблема: «Народ не тот!»

Создание необходимых формальных институтов рынка в нашей стране к концу 90-х годов прошлого века не привело к автоматическому их «запуску» без учета «духовного» компонента, как равноправного института в преобразовании социально-экономической структуры национального хозяйствования. Однако вопрос о том, можно ли создать, сконструировать «экономического человека» рыночного образца в России, как страны со значительным влиянием православной и мусульманской культур, и будет ли этот человек, лишенный исторических духовных корней, удовлетворен качеством жизни в обществе массового потребления западного типа, является, по сути, обратной стороной ранее поставленного вопроса [10].

Практика конструирования коммунистического человека в рамках реализации Ленинского проекта культурной революции ставит под сомнение реальность осуществления проекта по изменению национальной идентичности в короткие исторические сроки. Кроме того, утрата национально-духовной идентичности имеет следствием не только депрессионное состояние общества, но и превращает народ государства в население территории.

Заслуживает внимания выводы исследователей относительно практики других государств, например, современного Тайваня, Китая, Индии.

Население данных государств, «усваивая инструментальные компоненты западной культуры – структуру материального производства, способы трансляции информации, экономические институты и тип образования ... отказываются слепо копировать западные политические институты и в гораздо меньшей степени склонны отказываться от экзистенциальных начал своей культуры, «души» – религиозного сознания, привычных форм самосознания личности и межчеловеческих отношений, жизненных смыслов» [2, С.398].

Концепции ко-эволюционного развития, эволюционной экономики, коммуникационная теория диалога культур, принципы свободы и гуманизма можно рассматривать как значительный методологический ресурс для создания теоретического конструкта современного развития мировой эколого-экономической системы.

Перспективным направлением реализации данных подходов может быть концепция устойчивого развития (УР, или Sustainable development). По нашему мнению, название «устойчивое» не совсем верно отражает содержание концепции. Более правильно говорить о «поддерживающем» уровне развития по линии «Человек – Общество – Природа». На наш взгляд, в качестве элемента данной системы следует рассматривать мега-общество, т.к. конструкту «Природа» должно быть противопоставлено другое понятие, равное по объему и значению. В реальной действительности мега-общество включает деятельность конкретных государств и транснациональных корпораций (ТНК). Единство интересов внутри мега-общества может быть теоретически достигнуто путем рационализации всей структуры рыночной системы хозяйства.

В 70-е годы прошлого века западные ученые сделали выводы о необходимости изменения в системе ценностей и структуре потребления и производства в целях обеспечения снижения экологического напряжения в экосистеме.

Самоограничение потребления развитых стран при удовлетворении их основных потребностей и переход к принципиально новым технологиям производства благ выступают как взаимосвязанные стороны, задающие новый вектор движения экономической системы мега-общества. Это по существу означает, что в соотношении «рынок» – «экономика» доля последней увеличивается, а рыночные провалы углубляются.

В философской и социологической литературе высказана точка зрения о том, что постепенно формируется единая система опережающего развития, базирующаяся на нравственно-гуманистических ценностях, интеллектуальном потенциале и духовно-информационных ресурсах, где критерием национального и индивидуального богатства станут гуманистические ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей социальной и природной средой[13].

Идея единой ко-эволюционной системы «Человек – Общество – Природа», способной к ноосферогенезу, в настоящее время, по нашему мнению, может выступать как регулятивная идея при рассмотрении направлений конструирования прогностических моделей и стратегии развития государств в долгосрочной перспективе.

Обогащение концепции устойчивого развития подводит к формированию теории ноосферы, как теоретико-методологической базы новой цивилизационной парадигмы. Создание гармоничного мега-общества в качестве программы конкретных практических шагов всех государств в настоящее время вряд ли реалистично.

Современные государства отличаются по уровню социально-экономического и технико-технологического развития, и между ними есть множество жестких противоречий по вопросам производства – распределения – потребления природных и людских ресурсов. Решение глобальных вопросов, таких как демографических, продовольственных, энергетических, в определенной мере зависит от экологических проблем, и требует коллективных усилий и последовательности в их разрешении со стороны всех государств и народов.

Постановка и разработка проблем устойчивого развития позволили по-новому подойти к решению вопроса о характере движения и развития открытых сверхсложных систем, универсальности закономерностей их эволюции и становления, преодолеть техницистское и утилитарно-потребительское мировоззрение в вопросах взаимодействия неорганической, органической и социальной природы.

Наиболее значимые методологические идеи в этой области связаны с синергетически ориентированными концепциями (гр.*synergeia* – сотрудничество, содружество). Признание нелинейности в качестве принципиальной методологической установки знаменует становление нового исторического типа науки – постнеклассической (В.С. Степин). Ее формирование началось в последней четверти прошлого века [12,С.5-17].

Основные контуры данного типа науки определяются предметом ее исследования – эволюционными сверхсложными системами любой природы. Это обусловило качественные изменения в метатеоретических и метаметодологических основаниях науки. Были введены новые смысловые понятия, как инструменты исследования: фазность, диссипативность, аттрактор, структура-аттрактор, бифуркация, флуктуация и другие понятия.

Системно-структурная схема видения самоорганизующихся открытых сверхсложных систем сохраняет значительный методологический потенциал. Но становится очевидным, что теоретическое воспроизведение закономерностей эволюции данных систем старыми методологическими средствами не приводит к удовлетворительному объяснению их развития и не обеспечивает достоверное и практически ценностное знание об этих объектах.

Внутринаучные потребности поиска новых подходов к объяснению явлений различной природы были выявлены в работах ученых-естествоиспытателей. Новые явления, зафиксиро-

ванные в опытных работах Г. Хакена и И. Пригожина, привели к необходимости пересмотра традиционных объяснительных концепций и создания новых методологических координат для теоретического осмысления протекания данных процессов[9].

Синергетическая методологическая концепция изменила представление о хаосе, неравновесности, неустойчивости как о временных и негативных явлениях. В синергетике отражены новые подходы к характеристикам случайности, детерминизма, единственности и заданности путей саморазвития экономических систем. Синергетика выступает по отношению к исследованию экономической подсистемы в качестве не содержательной, а общенаучной методологической теорией, задавая соответствующую схему видения объекта экономического исследования и его изначальных характеристик.

Категориальный аппарат синергетики является мощным объяснительно-познавательным принципом экономического исследования, давая экономисту инструменты анализа всех уровней экономической системы – микропроцессов фирмы, мезоуровней рынков, макроуровня национальной экономики, мегауровня – экосоциосистемы. Рассмотрение через призму синергетического подхода истории процессов формирования и ликвидации советской экономики позволяет по-новому взглянуть на многие факты внешних и внутренних условий ее эволюции, выявить определенные закономерности социально-экономического движения общества при жестком противостоянии с другой системой – капиталистической. В таком понимании антикризисное управление может выступать как перспективная область применения синергетических моделей исследования.

Понятийный строй общеметодологической науки не подменяет категориальный аппарат частно-научного экономического знания, и не может сам по себе продуцировать содержательные теории. Методологически значимые принципы синергетики должны быть «переплавлены» и войти как регулятивные идеи экономического исследования, не заменяя собой содержание собственно экономической теории.

В этой связи термины «экономическая синергетика» и «синергетическая экономика» имеют методологическую нагрузку, отражая методологические ориентиры экономистов при исследовании процессов экономической динамики. Как и «математическая экономика», данные понятия выступают исследовательскими конструктами, позволяющими глубже осознать тот факт, что в пространственных и временных экономических процессах устойчивость и линейность имеют не универсальный, а ограниченный характер, т.е. выступают частными случаями неустойчивости и нелинейности.

Пионером применения аппарата синергетики к социальным проблемам отечественные исследователи называют В. Вайдлиха. Определяя параметры порядка и используя принцип подчинения, он практически с самого начала развития идей синергетики разрабатывает модели, позволяющие количественно описать коллективные процессы в обществе.

В результате исследований установлено, что интегративная динамика макрофеноменов в обществе сочетается с поведением отдельных индивидов на микросоциальном уровне. Синергетика позволяет по-новому описать соотношение между микроуровнем индивидуальных решений и макроуровнем динамических коллективных процессов в обществе, давая стохастическое описание общественной макродинамики. Кооперативные взаимодействия множества подсистем проявляются в самоорганизации и структурных макроскопических изменениях.

В 1991 г. на Западе вышла известная книга В.-Б. Занга "Синергетическая экономика", в которой автор акцентирует внимание на нелинейных и неустойчивых процессах, характеризующих поведение некоторых экономико-математических моделей[3]. Если изучены закономерности динамики, то появляется шанс сделать многие протекающие в экономической системе процессы более регулируемыми путем как целенаправленного воссоздания соответствующих условий в окружающей их среде, так и направленного хаоса внутри ее.

Экономическая действительность многовариантна в своем движении, скорость ее реального изменения опережает темп изучения (В.М. Палтерович). Прогностический аспект развития экономического знания должен быть связан с синергетически ориентированным видением эволюционных механизмов экономической подсистемы сверхсложной системы «Человек – Мега-общество – Природа». В этой связи методологически значима идея синергетики о том, что развивающиеся структуры существуют за счет возрастающей хаотизации протекающих процессов, а момент выбора между различными вариантами обретения устойчивости системы определяется фактором случайности. При этом наблюдается фазовый процесс перехода в новое состояние системы, т. е. вся система реагирует нелинейно: переход от неорганизованного ее поведения к согласованности происходит не плавным путем, а скачкообразно.

Применяя категориальный аппарат синергетики можно утверждать, что путь эволюции становится жестко предзадан только после попадания в воронку нового аттрактора и прохождения точки бифуркации под влиянием флуктуаций. Именно этот процесс самоорганизации или, иными словами, самопроизвольного возникновения и самоподдержания упорядоченных временных и пространственных структур в открытых нелинейных системах изменил представление науки о таком универсальном свойстве материи, как движение.

Траектория движения системы к более высокому, по сравнению с прежним, уровню развития отнюдь не предзадана. Система может деградировать, расколоться, одна часть ее – погибнуть, а другая – превратиться в примитивную, обслуживающую системы более высокого порядка.

Поскольку синергетические идеи могут иметь достаточно формализованное математическое выражение, их использование преобразует аппарат экономико-математических исследований и позволяет расширить область их применения.

В рамках данного методологического подхода в настоящее время активно развиваются теоретическое моделирование на базе динамической теории хаоса эндогенных механизмов нерегулярной динамики экономических данных; пространственная экономика; модели конкурентных деловых циклов с неравновесностью, осцилляциями и флуктуациями; принцип подчинения Хакена, связь быстрых и медленных переменных, а также учет масштаба времени в экономическом анализе.

Синергетическая ориентация экономического исследования позволяет применять в экономическом анализе новейшие логико-математические теории, такие как прикладная нелинейная динамика, теория клеточных автоматов, нечеткая логика, нейронные сети и другие математические инструменты.

Синергетический анализ сложных неравновесных систем позволяет предположить, что управляющие параметры не столько регулируют непосредственно поведение объекта управления, сколько формируют внутренний механизм его самоорганизации. Управление обществом, как сложнейшей системой, на основе централизованных, понятых как командно-административные, методов в принципе невозможно в долгосрочной перспективе, так как необходимо учитывать внутреннее структурирование, происходящее в них по законам этих систем.

Синергетический подход подвергает серьезному сомнению принципиальную возможность предсказывать будущее в открытых системах, а также саму идею существования неких универсальных законов развития (В.А. Лекторский). Это же можно отнести и к экономическим законам.

Система законов экономики определяет общее направления ее эволюции, что не подразумевает однозначной заданности развития в данный конкретный момент времени. В этом

плане актуализируется положение К. Маркса об экономических законах общественного развития как о тенденциях, носящих неабсолютный характер.

Акцент на антагонизме социальных систем, сделанный К.Марксом при анализе исторических перспектив развития капитализма, не означает однолинейность его логической схемы. Само по себе синергетическое объяснение механизмов эволюции сложных систем при всей эвристичности отнюдь не перечеркивает и не отрицает «старые» философские установки и понятийный аппарат социологического знания. Более того, актуализируются многие принципиальные подходы диалектики, а также философии жизни в части влияния социокультурных факторов и деятельности отдельных личностей на историю развития общества. Сами создатели синергетики считают, что наука находится на пути к новому синтезу, новой концепции природы, которая связана с соединением западной традиции, придающей перво-степенное значение экспериментированию и количественным формулировкам, и традиции Востока, например, китайской, с ее представлениями о спонтанно изменяющемся самоорганизующемся мире (И. Пригожин, И. Стенгерс).

В этом ракурсе деятельностный подход в экономическом исследовании позволяет преодолеть предельную абстрактность экономического субъекта, традиционную для отечественной и западной экономической науки, а также приблизить понятийный аппарат экономической теории к социокультурным, и вообще ценностным ориентирам экономической деятельности[11].

Деятельностный подход позволяет интегрировать синергетическое «видение» экономического развития, т.к. именно деятельность человека несет в себе неопределенность и точки бифуркации. Это дает возможность выработать определенное целостное видение экономической деятельности, внутренне структурированной, имеющей внутренние закономерности и реагирующей на изменение внешних условий экономической и социо-культурной среды.

Деятельность выступает специфической формой активного отношения человека к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры. В данном определении зафиксирована всеобщая структура деятельности, которая включает в себя:

- цель, поскольку она целесообразна;
- средство, без которого невозможно изменение и преобразование окружающего мира;
- сам процесс, совершающейся во времени и пространстве и включающий как активное отношение человека к природным и искусственно созданным объектам деятельности, так и коммуникационные отношения – отношения между людьми к указанным объектам и результатам деятельности;
- результат как продукт деятельности, который не совпадает с целью, так как он связан не только с получением вещественно-энергетического и информационного результата, но и с преобразованием самого человека и общественной практики в целом [17,С.247].

Целеполагание внутренне присуще экономической деятельности, определяя ее законосообразность и направленность на удовлетворение совокупности потребностей, обеспечивающих жизнедеятельность индивида и общества.

Современному видению проблемы целеполагания применительно к экономической деятельности в современном обществе должна соответствовать точка зрения о цели экономической деятельности как о сложной и многоуровневой совокупности потребностей и ценностей. Для понимания внутренних механизмов целеполагания и их роли в структуре деятельности важным моментом является рассмотрение цели социально-экономической деятельности

как единства объективного и субъективного. Согласно разделяемой нами позиции ее (деятельности) «основанием является сознательно формулируемая цель, ... основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере *идеалов и ценностей человека*» [17, С.265].

Данное положение исключительно значимо при рассмотрении экономической деятельности, так как позволяет избежать примитивной трактовки ее цели как удовлетворения совокупности материальных потребностей и сведения ее побудительных мотивов к линейной трактовке наподобие «стимул – реакция».

Деятельность вообще, и экономическая, в частности, находится под воздействием совокупности конкретных идеалов, норм, национальных ценностей, т.е. нравственно-эстетической сферы. В структуру экономической деятельности органически включено целеполагание, которое формируется под воздействием не только собственно материальных условий воспроизводства жизни человека и общества. Рациональность экономической деятельности выступает только одной из ее характеристик, оставляя место и иррациональным моментам. Самоочевидна органическая взаимосвязь базисных и надстроечных начал социально-экономического развития. Именно здесь, по нашему мнению, следует искать императив включенности в экономический анализ социо-культурного компонента, определяющего национальное самосознание и влияющего на экономическую сторону жизнедеятельности социума.

В исторической ретроспективе системная модернизация нашей страны стала почти постоянной задачей общества, начиная с освобождения от монгольского нашествия. За последние сто лет страна пережила несколько социо-культурологических трансформаций, последняя из которых связана с рыночной идеологией и протестантской этикой рыночных коммуникаций.

В ретроспективном ракурсе развитие экономической науки подобно своеобразной спирали: от первых концепций, соединявших экономические и этические, духовно-нравственные проблемы, через анализ собственно экономической проблематики к осознанию на более высоком уровне знания о социуме необходимости включения в экономическое исследование факторов, которые относились ранее к внеэкономическим. Исходя из этой посылки, становится очевидным, что принципиально невозможно как копирование практики функционирования рыночных экономик западных стран, так и догоняющее развитие, которое не может выступать стратегией движения национального хозяйства. Вектор развития национального хозяйства находится под воздействием совокупности факторов. Конкретное направление данного вектора будет определяться многими факторами.

Для нашей страны в области практической экономики в качестве главной стоит задача ускоренной модернизации с целью созидания смешанной экономики, с учетом национально-культурной специфики и мировых тенденций. Выполнение данной задачи требует не только, а может и не столько решения вопроса о материальных источниках развития (инвестиций, технологий и пр.), сколько мобилизации человеческого фактора, принятия данной идеи всеми жизнеспособными слоями общества. В этой связи энергетика общества, синергия масс и национальных элит должны выступить тем внеэкономическим источником, который позволит оживить теоретический конструкт «смешанная экономика» и ответить на вызовы времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блэкуэлл Д., Миниард П., Эндел Дж. Поведение потребителей. Изд. 9-е/пер. с англ. Под ред. Л.А. Волковой. СПб.: Питер, 2002. – 624 с.
2. Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003. – 592 с.
3. Занг В.- Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Изд-во Мир, 1999. – 335 с.
4. «Капитал» и Экономикс. Вопросы методологии, теории, преподавания / Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС. 1998. – 220 с.
5. Курс экономической теории: Общие основы экономической теории. Микроэкономика. Макроэкономика. Основы национальной экономики: Учебное пособие/Под ред. д.э.н., проф. А.В. Сидоровича - ; МГУ им. Ломоносова -2-е изд., перераб. И доп. М.: Изд - во «Дело и Сервис», 2001. – 832 с.
6. Лекторский Владислав Александрович. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
7. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. – 375 с.
8. Нуреев Р.М.. Искать свой особый путь. – В кн. Мегатренды мирового развития /Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: ЗАО «Издательство «Экономика» , 2001. – 258 с.
9. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям. — М.: Мир, 1991. – 240 с. ; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
10. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995. – 261 с.
11. Платонова Е.Д. Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект) / Под ред. д.э.н., проф. Е.В. Юферевой. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2006. – 370 с.
12. Степин В. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. // Вопросы философии, 2003, №8. С.5-17;
13. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998. – 500 с.
14. Федотова О.Д. Теоретико-методологические основы педагогики Германии и ФРГ (конец XIX века–90-е г.г. XX века) – Автореф. на соиск. уч. ст. докт. пед. наук, – М., 1998. – 42 с.
15. Швырев В.С. Знание и мироотношение // Философия науки. Вып. 1. Проблема рациональности. М. 1995, С. 163 – 185.
16. Эрхард Л. Благосостояние для всех. Репринт. воспроизведение: Пер. с нем./ Вст. ст. Б.Б. Багряцкого, В.Г. Гребенникова. М.: Дело, 2001. – 352 с.
17. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.

Рецензент: Гущин Игорь Александрович, исполнительный директор, к.э.н., ООО «Бизнес консультирование, менеджмент и аудирование»